

СТРАННИК

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Странник

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Странник / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Июньская белая ночь в Пулково. Анна Сергеевна, астроном с двадцатилетним стажем, замечает на снимке смазанную звезду, для которой нет ни одного удобного объяснения. Расширив поле, она видит, что весь окрестный узор сместился согласованно — будто кто-то невидимый потянул чёрный бархат неба к себе. Модель отвечает безжалостно: на пути Солнечной системы — бродячая чёрная дыра около восьми солнечных масс. «Мимо» в её случае означает сорванную с круга Луну и воду выше любых стен. Её брат Илья — инженер дамбы, которой гордится Петербург. Двадцать лет они не разговаривали: со дня, когда мать унесло штормовым нагоном. Повесть о небе без тела и о слове, не сказанном вовремя.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Тень на свете	5
Часть вторая. Человек, который держит воду	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эдуард Сероусов

Странник

Часть первая. Тень на свете

Звезда была не на месте.

Анна Сергеевна сидела в полутьме измерительной, и экран клал ей на лицо ровный синий свет, какой бывает только от приборов и больше ни от чего на свете. За дверью гудел привод — телескоп вёл по небу, отрабатывая вращение Земли, чтобы поле стояло неподвижно, пока матрица копит фотоны. Привод гудел низко, на одной ноте, и эта нота за двадцать лет вошла в неё так глубоко, что Аня слышала бы фальшь в полтона раньше, чем поняла бы её разумом. Сейчас фальши не было. В приводе. В небе была.

Программа списала звезду как ошибку.

Это и было правильно — статистически. Конвейер ночь за ночью прогонял тысячи кадров, сравнивал положения, и когда точка вдруг оказывалась не там, где ей полагалось по каталогу, машина пожимала плечами и ставила флаг: космический луч, горячий пиксель, дрожь атмосферы. Удобное объяснение. Их всегда несколько, удобных объяснений, и почти всегда одно из них верно. Аня знала это лучше многих. Двадцать лет она кормила небо удобными объяснениями и почти всегда оказывалась права.

Она навела курсор на флаг. Помедлила. Снаружи стояла белая ночь — июнь, Пулково, небо над городом не чернело, а делалось серо-молочным, и в этом молоке тонули все звёзды, кроме самых упрямых. Работать всерьёз можно было только зимой. Летом она приходила сюда измерять старое, перепроверять, чистить каталоги — занятие монашеское, тихое, без надежды на открытие. Сегодня она пришла именно за этим: ни за чем.

Аня сняла флаг и стала мерить вручную.

Точка была не точкой. Звезда — далёкая, безымянная, из тех, что носят только номер, — растеклась. Не дрогнула, не раздвоилась, как от плохого ведения, а именно растеклась в одну сторону, коротким мазком, будто кто-то тронул мокрую тушь пальцем. Аня знала сотню причин, по которым звезда мажет. Она перебрала их все, одну за другой, как перебирают чётки, и каждую отложила. Ведение чистое — соседние звёзды стояли иглами. Матрица холодная, шумов нет. Атмосфера спокойная, сидинг хороший, ночь как стекло.

Звезда была смазана, и ни одна из ста причин не подходила.

Аня откинулась на спинку. Стул скрипнул в тишине так громко, что она вздрогнула. На столе, придавленная пустой кружкой, лежала её карта — детская, бумажная, в разводах от давнего чая: небо над дачей, нарисованное от руки, с медведицами и лебедем, которых они вычерчивали с матерью на обороте обоев. Аня возила её с собой двадцать лет, из обсерватории в обсерваторию, и никогда не вешала на стену. На лицевой стороне — звёзды. На обороте — имена, материнским почерком, тем летним округлым почерком, который Аня узнала бы среди тысячи: *Аня. Илюша*. И ниже, мельче: *papa*. Имени самой матери на карте не было. Она себя не вписывала. Она только держала карандаш.

Аня перевела взгляд на экран.

— Ну, — сказала она вслух, никому. — Что ты такое.

И начала мерить дальше.

К четырём утра она перестала чувствовать пальцы.

Не от холода — в измерительной было тепло, — а оттого, что они слишком долго лежали на одном месте, не шевелясь, пока она вглядывалась в цифры. Аня расширила поле. Взяла не одну звезду, а целую область вокруг — сотню точек, двести, — и положила сегодняшние их места поверх каталожных, и стала смотреть на разницу.

Разница была.

Сама по себе каждая звезда сместилась на пустяк — на сотые доли секунды дуги, на величину, для которой в человеческом мире нет образа, потому что человеческий мир так мелко не делится. Но смещения не были случайны. Случайный шум смотрит во все стороны разом, как ёж. Эти — смотрели. У них было направление. Звёзды вокруг смазанной точки сдвинулись все, и сдвинулись согласно, будто кто-то невидимый положил ладонь на чёрный бархат неба и потянул ткань к себе, и узор поехал за тканью.

Аня встала. Прошла по комнате — пять шагов туда, пять обратно, мимо чёрного окна, в котором отражалось её собственное лицо, бледное, без возраста. Села. Открыла модель.

Она набивала параметры медленно, проверяя каждую цифру дважды, потому что знала: сейчас ошибиться легче всего. Сейчас, когда внутри уже зашевелилась догадка — холодная, длинная, как уж под камнем, — именно сейчас разум начнёт подсовывать удобное. Аня не дала ему. Она спросила у модели только одно, самое честное: что должно стоять там, в пустоте между нею и далёкими звёздами, чтобы свет от них лёг вот так, согнутый, отклонённый, потянутый в одну точку?

Модель думала недолго.

Масса. Тёмная, не светящая, ничего не излучающая — иначе её давно бы увидели, — компактная масса, кладущая на свет фоновых звёзд свою гравитационную тень. Аня смотрела на число и не понимала его. Потом поняла, и пожалела, что поняла.

Около восьми солнечных. Восемь масс Солнца, сжатых во что-то меньше города. Идущее по гиперболе — раскрытой, разомкнутой кривой, какая бывает только у того, что приходит из ниоткуда и уходит в никуда, не возвращаясь. Идущее сюда.

Чёрная дыра. Одна, бродячая, ничья. Без звезды-спутницы, без диска, без рентгеновского крика — холодная, сытая, давно остывшая, оттого и невидимая. Не дыра в небе — небо вокруг дыры, согнутое ею. Аня сидела очень прямо и считала следствия, и ладони у неё стыли, хотя в комнате было тепло.

Она прогнала траекторию вперёд. Ближайшее сближение — не удар, нет; объект пройдёт мимо Солнца на расстоянии в несколько астрономических единиц, не сквозь внутреннюю систему, не сквозь Землю. Аня выдохнула. И тут же поняла, что выдохнула рано.

Потому что в несколько астрономических единиц восемь солнечных масс — это не «мимо». Это рука, проведённая над столом, на котором стоит посуда. Сама рука посуды не касается. Но сквозняк от неё — касается. Земля не свалится на гостя и не сгорит. Земля останется. А вот всё, что держит Землю в равновесии — наклон оси, по которому ходят времена года; вытянутость орбиты, по которой ровно ложится свет; и Луна, маленькая, отдельная, привязанная к Земле тонкой нитью тяготения, — всё это гость заденет, проходя. Луну особенно. Луну — сильнее всего, потому что Луна слабее всех привязана и потому первой почувствует чужую руку.

Аня закрыла глаза.

Она увидела, как это будет, — не глазами, а тем внутренним зрением, которым астроном видит то, чего никто никогда не видел и не увидит. Луна, сорванная с круга и брошенная на новый, тесный и кривой. Луна, проходящая близко — и поднимающая за собой воду стенами. Море, встающее на дыбы под чужим небом. Берега.

Берега.

Она открыла глаза. На столе, в разводах чая, лежала карта детского неба, и материнский почерк на обороте говорил: *Аня. Илюша*. А за окном, в молочной белой ночи, было небо,

которое она только что прочла, — и в нём, невидимая, шла тень, которой ещё нет имени, и тень эта несла воду.

Аня сняла трубку.

К полудню она поняла, что трубку можно было не снимать.

Кабинет был обит звуком — тем особенным казённым беззвучием, в котором тонет всякое слово, едва сказанное. Люминесцентные лампы лили сверху ровный мёртвый свет, от которого у живых людей делается цвет лица как у покойников, а у покойников, должно быть, как у живых. Человек напротив был жив, но по лицу не угадаешь. Он слушал её вежливо. Вежливость была хуже спора. С ней нельзя спорить.

— Анна Сергеевна, — сказал он, когда она договорила, — я вас услышал. Я хочу убедиться, что я правильно вас понял. Вы наблюдали смещение света.

— Я наблюдала смещение света, — сказала Аня, — потому что иначе это смещение наблюдать нельзя. У объекта нет поверхности, от которой отражается свет. Он сам света не даёт. Он виден только так — по тому, как он гнёт чужой.

— То есть самого объекта вы не видели.

— Сами объекта не видел никто и не увидит. Его не существует — в том смысле, в каком существует то, что можно сфотографировать. Есть тень, которую он кладёт на свет. — Аня услышала, как её голос звучит в обитой звуком комнате — ровно, тихо, и эта ровность далась ей дорого. — Этого хватает. Этого более чем хватает.

Человек кивнул. Перед ним лежала её папка — её ночи, её цифры, её модель, — и он положил на папку ладонь, не открывая.

— Понимаете, в чём сложность, — сказал он мягко. — Я не могу прийти наверх и сказать, что нам угрожает то, чего не видно. Меня спросят: где снимок. Я скажу — снимка нет, есть смещение звёзд. Меня спросят: насколько сместились. Я скажу — на сотые доли секунды. — Он чуть развёл руками. — Вы умный человек, вы понимаете, как это звучит.

— Я понимаю, как это звучит, — сказала Аня. — Я не понимаю, почему то, как это звучит, важнее того, что это значит.

Он не ответил. Он закрыл папку — не отодвинул, а именно закрыл, аккуратно, обеими руками, как закрывают что-то отслужившее, — и Аня по этому движению поняла всё. Бумага ляжет в стол. Стол не откроют. Никто не двинется с места, потому что в небе, как было сказано, ничего нет, а то, чего нельзя сфотографировать и нельзя взорвать, не интересует тех, кто решает.

— Мы понаблюдаем, — сказал он. — Соберём ещё данных. Если картина подтвердится...

— Картина подтвердится, — сказала Аня. — Свет нельзя уговорить лечь иначе.

Она встала. У двери остановилась.

— Когда вода дойдёт сюда, — сказала она, не оборачиваясь, — а она дойдёт, до этого этажа, может, и нет, но до первого — да, — вспомните, пожалуйста, что снимка не было. Это будет единственное, в чём вы окажетесь правы.

И вышла.

Самое горькое она поняла уже на улице.

Пулково стояло на холме, на южном краю города, и отсюда, если смотреть на север, был виден весь Петербург, лежащий в своей плоской дельте, у самой воды, ниже воды, — город, который двести лет назад поставили там, где ставить нельзя, и который двести лет держался назло. Аня смотрела на него и думала о том, что во всём этом городе, во всей стране, во всём, может быть, мире есть ровно одни люди, чьё ремесло — отгораживать сушу от воды, угадывать

высоту нагона, ставить стену там, где встанет море. Береговая защита. Гидротехники. Те, кто всю жизнь воюет ровно с тем, что сейчас идёт.

И вёл их — она знала это, потому что его лицо было всюду, в каждой второй сводке, под каждым вторым заголовком, — вёл их её брат.

Илья. Илюша с детской карты, материнским почерком. Человек, построивший дамбу, которой город теперь гордился. Человек, который когда-то на её глазах поклялся, что больше никогда — никогда — не отдаст воде ни одного человека. Двадцать лет назад они стояли по колено в этой клятве, мокрые, и не выговорили её вслух, и с тех пор не сказали друг другу ни слова.

Аня достала телефон. Нашла его номер — она хранила его все двадцать лет и ни разу не набрала. Большой палец лёг на вызов.

Она представила, как он берёт трубку. Как слышит её голос — впервые за двадцать лет. Как она говорит ему: Илья, идёт вода, которую ты не остановишь, идёт то, против чего бессильна твоя стена, послушай меня, как ты не послушал тогда, потому что тогда я была права и сейчас я права, и я не хочу снова быть правой над водой.

Палец не нажал.

Она знала, как это кончится. Она знала это так же твёрдо, как знала траекторию: он услышит «вода» и услышит «опять она», и за двадцать лет в нём ничего не сдвинулось, как не сдвинулось в ней. Они были высечены из одной потери, он и она, в один и тот же час, и из одного камня вышли две противоположные фигуры, и обе — твёрдые.

Аня убрала вызов. Открыла сообщения. Написала медленно, коротко, без обращения, потому что обращение значило бы слишком много:

Идёт объект около восьми солнечных масс. Сорвёт Луну. Будет вода выше всякой стены. Это нельзя остановить, можно только уходить вверх и вглубь. Прости, что это снова я.

Стёрла последнюю строку. Подумала. Вернула.

Нажала отправить.

Серая галочка стала синей — доставлено. Аня смотрела на синюю галочку и ждала, сама не зная чего: трёх точек, набираемого ответа, хоть какого-нибудь движения по ту сторону. Экран лежал ровно и мёртво, как небо в люминесцентной комнате.

Над ней, в светлом дневном небе, где днём не видно ни единой звезды, медленно, на сотые доли секунды, ехало в сторону всё, что было.

И те, кто мог тронуться с места, не слышали. А первый среди них был её брат.

Часть вторая. Человек, который держит воду

[Илья]

Вода — не зло.

Илья Сергеевич повторял это про себя, спускаясь по железной лестнице в тело затвора, как другие повторяют молитву, — не задумываясь о словах, а опираясь на них. Вода не зло. Вода — нагрузка. У нагрузки есть число. Число можно посчитать. То, что посчитано, можно удержать. Он спускался в гудящую полутьму комплекса, и каждая ступень отзывалась под ботинком знакомым железным звуком, и в этом звуке было больше веры, чем в любых словах.

Комплекс защитных сооружений стоял поперёк залива на двадцать пять километров — насыпь, ворота, затворы, — стена, которую Илья если и не построил один, то достроил, довёл, вычистил до последней заклёпки, и которая теперь носила в городе его имя, хоть на табличках стояли другие. Город спал за этой стеной, ниже её гребня, в своей плоской дельте, и не знал, что спит, и в этом был весь смысл работы: чтобы не знали. Чтобы вода приходила и уходила, а человек на кухне наливал чай и думал, что так было и будет всегда.

— Уровень? — спросил Илья, не оборачиваясь.

— Сто двенадцать, Илья Сергеич. — Голос Марата шёл сверху, с площадки. — Норма. Стоим спокойно.

Марат спускался за ним, как всегда на полступени позади, в жёлтой каске, сдвинутой на затылок, — никогда он эту каску не носил как положено, и Илья двадцать раз ему говорил, и Марат двадцать раз поправлял, и через минуту она снова сползала на затылок, потому что так Марату было видно небо. Рация на поясе у него потрескивала, и в потрескивании плыли цифры — уровни, со всех постов, по кругу, как литания. Марат слушал их всем телом. Он был младше Ильи на двадцать лет и верил в стену сильнее, чем сам Илья, той чистой и страшной верой, какой веруют ученики, — а Илья знал про стену всё, и знание оставляло в нём щель, в которую вера не помещалась.

Они вышли на нижнюю галерею, под самые ворота. Здесь, у воды, стоял её запах — холодный, йодистый, с маслом от механизмов, — и бетон над головой гудел ровно, держа на себе залив. Илья положил ладонь на бетон, как клали руку на бок лошади, проверяя дыхание. Бетон дышал ровно.

В кармане куртки лежала латунная рейка.

Он носил её всегда — короткую, в две ладони, водомерную рейку старого образца, с насечками уровней по ребру и стёртой гравировкой на торце. Гравировку он стёр сам, за годы, большим пальцем: возьмёт рейку, задумается — и трёт, трёт стёртое место, где когда-то было выбито имя. Имени давно не прочесть. Палец помнил его и без букв.

Это была материнская рейка. Мать мерила ею воду у дачного причала — в шутку, конечно, какая там вода, речка по колено, — мерила и записывала, и смеялась, и говорила, что вода любит, когда за ней следят, тогда она ведёт себя прилично. Илья тогда был мальчишкой и верил матери во всё. Он и теперь, в каком-то смысле, верил ей в этом одном: что за водой надо следить, тогда она ведёт себя прилично.

В тот год она вела себя неприлично.

Илья не пускал в себя ту ночь, не разворачивал её, держал свёрнутой, как держат сухим порох. Но она была в нём всегда, у самого дна, и сегодня — оттого ли, что близилась годовщина, оттого ли, что палец опять нашёл стёртое место, — она поднялась чуть выше дна, чем обычно. Штормовой нагон. Вода, вставшая выше всего, что считалось возможным, выше любых записей, как будто кто-то отменил все прежние цифры разом. Он, мальчишка, обещавший вывести мать. Он, не успевший. И сестра — рядом, мокрая, кричащая в ветер то, что кричала ещё с вечера, когда никто её не слушал: вода поднимется выше, ещё выше, я считала, я знаю, уходите.

Её не слышали. Он не услышал. И последнее, что сказала мать, было не им — воде, почти ласково, почти с упрёком: «Вода ещё поднимется. Слышишь? Ещё выше». И поднялась.

Илья снял ладонь с бетона.

— Идём наверх, — сказал он. — Тут всё держит.

Он всегда так говорил. И почти всегда был прав.

Сообщение от сестры он прочёл в машине и не поверил собственным глазам — не содержанию, содержание он едва разобрал, а тому, что оно вообще пришло.

Двадцать лет — и вдруг серый прямоугольник с её именем. Он смотрел на имя дольше, чем на текст. Потом заставил себя прочесть текст, и старое раздражение поднялось в горле так быстро и так знакомо, будто и не уходило никуда, будто все двадцать лет копилось ровно для этой минуты.

Сорвёт Луну. Будет вода выше всякой стены.

Ну конечно. Вода. У неё всегда была вода — и всегда сверху, всегда из неба, всегда то, чего нельзя ни увидеть толком, ни потрогать, ни посчитать по-человечески. Он строил стены из бетона, которые держат настоящую, весомую, считаемую воду, а она всю жизнь воевала с водой, которой ещё нет, с водой воображаемой, с водой из расчётов на салфетке. И вот опять. Идёт что-то невидимое, чего нельзя сфотографировать, и сестра, как двадцать лет назад, кричит в ветер.

Это нельзя остановить.

Вот это он отметил. Эту строчку. «Нельзя остановить» — её любимое. Для неё всё нельзя: нельзя остановить, нельзя удержать, можно только бежать, прятаться, смиряться. Вся её жизнь была одно большое смирение, бегство вверх и вглубь, отказ от боя, — и он презирал это смирение так же твёрдо, как любил когда-то её самоеё. Потому что он-то знал: можно. Можно остановить. Он двадцать лет только то и делал, что останавливал воду, и вода стояла, где он сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.